

МАТЕРИК БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Е.Л. Яковлева

БАБА-ЯГА КАК АРХЕТИП РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Аннотация. Объектом исследования выступает образ Бабы-Яги, представляющий собой некое подобие определённого типу русской женщины. В персонаже Яги выражаются эмоции, действия и поступки, демонстрирующие противоречивость и непредсказуемость женской натуры, воплощая различные стереотипы ее характера (любящей женщины, женщины-демона и женщины-героини). Связанная с Великой Матерью, Баба-Яга является «осколком» матриархальных, патриархальных, шаманских, анимистических и тотемистических представлений древнейшего мировидения. Всё это делает архетипический образ сложным и многогранным, но при этом достаточно вуалированным, ввиду того, что, в дошедших до нас сказочных историях, Баба-Яга показана старухой.

Основными методами научного исследования, которыми руководствовался автор в работе, можно назвать диалектический, исторический, сравнительный, описательный.

Несмотря на свою второстепенность образа в сюжетных линиях, Баба-Яга несёт большую ответственность за счастливые судьбы героев, проходящих при её участии обряд инициации. Именно этот сказочный персонаж воплощает собой огромную энергетическую силу и мощь, концентрирующие в себе сложность, многоплановость и непредсказуемость судьбы русской женщины.

Ключевые слова: архетип, Баба-Яга, женский образ, кентаврность, инициация, интуиция, жизненный путь, лес, избушка, ступа и помело.

Сказочным чем-то повеяло снова...
(В. Соловьев)

Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей...
(А.С. Пушкин)

Образ женщины во все времена был окутан ореолом таинственности и непостижимости. Женщина в различные культурно-исторические эпохи в силу природной артистичности, практичности и мягкости/властности меняла свои маски, выступая в роли музы, романтической/героической натуры, коварной искусительницы, тайного манипулятора или прагматичного властителя. Огромный диапазон ее метафизических амплуа (от очаровательных простушек до внушающих страх и отвращение старух), проявляющихся в пределах одной жизни, привлекает к себе внимание, способствуя тому, что женщина остается вечным объектом исследования. Пытаясь проникнуть в тайны ее души, осуществим реконструкцию образа Бабы-Яги, характеризуя его

как архетипический применительно к русскому женскому началу.

В концепции психоаналитика К.Г. Юнга понятие *архетип* означает изначально-врожденные психические структуры, образы фантазии, присутствующие человеческой общности и составляющие основу коллективного бессознательного¹. Универсальность и вечность архетипам придает их символичность: архетипы не привязаны к чему-то конкретному, пространственно-временному, что способствует богатству их смыслов, значений и ассоциаций, накапливаемых в процессе своего исторического существования. Особенностью архетипов является то, что они как результат многовекового опыта предков наследуются не только коллективно, но и индивидуально. Можно утверждать, что, несмотря на обобщенность своего характера, архетипы играют важную роль и в культуре в целом, проявляясь в верованиях, мифах и произведениях искусства, и в бытии человека, высвечиваясь в сновидениях, действиях и поступках. Архетип, представляя схематичную

¹ См. подробнее: Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М.: Академический проект, 2009. 303 с.

конструкцию, содержательно раскрывается только при соприкосновении с конкретной ситуацией, наполняясь материалом опыта. До сих пор нет полного систематизированного списка архетипов. Если вспомнить К.Г. Юнга, то, работая с ними, он при необходимости пополнял свой список. На наш взгляд, выделенные им архетипы Большая мать, Анима и Анимус не в полной мере раскрывают природу женской души. Более того, сам ученый, являясь западным человеком, характеризует женщину своего типа ментальности. А как быть с «загадочной русской душой»?

Эти обстоятельства заставляют обратиться к русским народным сказкам, где одним из популярных персонажей была Баба-Яга, чей облик вызывает неоднозначные реакции. Возможно, загадки непостижимой русской души в ее женском варианте связаны с этим образом.

Пытаясь содержательно реконструировать архетип Бабы-Яги, мы обнаруживаем его множественность и даже кентавричность, что приводит к параллелям с образом Родины у русских. Первым образ «кентавра» применил в 1927 г. мыслитель Г.П. Федотов, считая, что «образ России двойтся», у нее раздвоенное лицо. С одной стороны, Россия олицетворяет белый образ «Небесной Жены», «оцерковленный и вознесенный», с другой стороны, это — кровавый образ «мятежных дней»². По Г.П. Федотову, именно в России происходит столкновение цивилизаций Востока и Запада, внося в ее судьбу трагический раскол. Идея кентавричности неоднократно обыгрывается и в художественном творчестве. В повести «Крестовые сестры» А.М. Ремизов двойственность России выражает метафорами «святая Русь» и «клетка с обезьянами». Вспомним поэтические строчки И. Северянина, говорящие о женской двойственности Родины:

*«Бывают дни: я ненавижу
Свою отчизну — мать свою.
Бывают дни: ее нет ближе
Всем существом ее пою.
Все, все в ней противоречиво,
Двулико, двуедино в ней».*

Думаем, что в образе России, олицетворяющей женское начало, благодаря кентавричности проявляется архетипичность Бабы-Яги, рецепция

которой связана с одновременным неприятием и притягательностью.

Возвращаясь к ключевой проблеме статьи, проанализируем образ Бабы-Яги как архетипичный, бытийная схема которого накладывает определенный отпечаток на жизнь русской женщины.

Яга представляет собой сложную женскую натуру, в которой переплетены реальные и мифологические черты. Ее образ мозаичен: он включает в себя матриархальные, патриархальные, шаманские, анимистические, тотемистические элементы. Она — значимая Богиня древности, чье сакральное значение несколько раз трансформировалось, дойдя до нас в лоскутно-преображенном виде. Тем не менее, «русская Баба Яга... и другие, — это не «Венеры», которые несут плодородие и прогресс, они... гораздо большее, чем только это. Перечисленные дарительницы жизни и вершительницы судеб являются «властительницами» (или «правительницами») и как таковые сохранились в индивидуальных верованиях очень долго, несмотря на то, что их сбросили с пьедесталов, милитаризовали и скрестили с индоевропейскими божественными невестами и супругами»³. При этом Баба Яга обладает «неким дьявольским духом»⁴, придающим ее образу «перчинку».

В дошедших до нас сказках Баба-Яга, как правило, выступает в качестве второстепенного персонажа, тем не менее, ее функции являются ключевыми. Именно она владеет ключом сказочной загадки (знает о месте нахождения Кошечки Бессмертного/Змея Горыныча/потерянного), тем самым помогая герою/героине в обряде инициации. Пройдя ряд испытаний с помощью Ягини (ее рекомендаций или волшебных предметов), герой/героиня, преодолевая препятствия, становится в прямом значении слова Героем/личностью. Помощь Яги обусловлена ее первоначальной ролью Великой матери, несущей ответственность за все рожденное и живущее, что передалось каждой женщине в виде материнского инстинкта и мудрости, основанной на жизненном опыте, практичности и знаниях. Н. Бердяев в «Метафизике пола и любви» пишет, «женщина, осуществляя свое женственное назначение, может сделать великие открытия, которые не способен сделать мужчина. Только женщине могут открыться некоторые

² Федотов Г.П. На поле Куликовом // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М.: Дарь, 2005. С. 103, 105.

³ Угрешич Д. Снесла Баба Яга яичко. М.: Эксмо, 2011. С. 332.

⁴ Там же. С. 333.

тайны жизни, только через женщину может общиться к ним мужчина»⁵. В приведенной цитате обнаруживаются намеки на *особое* женское знание, основанное на интуиции, опыте и чутком восприятии жизни, что дает возможность общения к тайнам бытия. П.А. Флоренский справедливо полагает, что «женская деятельность в значительной мере, в более значительной, чем мужская, есть деятельность не самой женщины, а других сил в женщине»⁶. Здесь русский философ, на наш взгляд, вуалирует в качестве *другой силы* — интуицию как энергичную гносеологическую особенность в жизни женщины, трудно поддающуюся рационализации и дефиниции:

*«Ты сердца чуткого прозреньем
Те правды можешь угадать,
Которых нам ни размышленьем,
Ни долгой жизнью не дознать».*

(Н.Ф. Щербина)

Баба-Яга, являясь женщиной (о чем многие забыли или не берут в расчет, ввиду нивелированности полового различия из-за возраста, ставшего причиной ее постепенной мимикрии в «пол без пола»), владеет знаниями, полученными благодаря насыщенной событиями жизни и испытанным разнообразным чувствам. Необходимо напомнить, что знание женщины не только интуитивно, но эмоционально-субъективно: каждая женщина несет в себе, нередко глубоко сокрытый или нераскрытый, огромный диапазон чувств, эмоций и образных ассоциаций, накопленных благодаря собственному взгляду на ситуативность мира. Прав был П.А. Бакунин, утверждая, что женщина, «чтобы узнать, живет и любит, и потому узнаёт все голоса жизни»⁷, что подчеркивает гносеологический характер женских эмоций, ее эмоциональный интеллект.

Если рассуждать о том, к какому типу относиться Баба-Яга, то в ее облике и действиях сплетаются в неразрывное единство все типы женских образов. Так, Ю.М. Лотман, анализируя женщин в русской литературе, назвал три их стереотипа:

⁵ Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Эрос и личность: Философия пола и любви. М., 1989. С. 47.

⁶ Флоренский П.А. Имена // Тайна имени. Харьков, 1995. Т. 1. С. 21.

⁷ Бакунин П.А. Запоздалый голос сороковых годов (По поводу женского вопроса). СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1881. С. 391.

образ «нежно любящей женщины, жизнь и чувства которой разбиты»; «демонический характер, смело разрушающий все условности созданного мужчинами мира»; «женщина-героиня», для которой характерна «включенность в ситуацию противопоставления героизма женщины и духовной слабости мужчины»⁸. Все стереотипы женского характера носит в себе и олицетворяет Яга, деятельность которой В.Я. Пропп классифицировал как Яга-дарительница, Яга-похитительница и Яга-воительница⁹.

Никто не задумывался, что у Бабы-Яги есть своя история жизни, которой нет места в сказочном повествовании. Тем самым бытие Яги, окутанное тайной и недосказанностью, становится мифизированным. Согласно законам мироздания, жизнь проходит стадии рождения — детства — молодости — зрелости — старости. Все эти стадии прошла когда-то и Баба-Яга, но в сказках сохранились только эпизоды, связанные с ее старостью, которая была преждевременной из-за многозначия (вспомним русскую поговорку «Много будешь знать — скоро состаришься»). Судя по волшебному дарованию и развитой интуиции, жизненный путь Яги был богатым и событийным/*со-бытийным*. В глухом лесу, среди диких зверей и разного рода нечисти (Ауки, Лешего, кикиморы, лесавок и Листина) она безропотно несёт свой женский крест, что говорит о драматичности ее судьбы. Отсутствие семьи (по некоторым версиям она съела дочь/дочерей), неуклюжее ведение домашнего хозяйства (из-за слепоты), но при этом осмотр вверенной ей территории и постоянная забота о периодически появляющихся в избушке посторонних — таков список ее дел. Хотя сказочное предание и потеряло историю Бабы-Яги, тем не менее, в ее жизни, наверняка, была и страничка любви/любовей (неудачных), вследствие которых она оказалась в одиночестве в лесу, живя отшельницей и быстро выпроваживая непрошенных гостей. Женское лесное одиночество сделало ее сильной и независимой, способной, при необходимости, возложить на себя мужские обязанности. Помогая героям сказок в структурировании их «расплывчатой душевности» (Н. Бердяев) и жизненного пространства из хаоса в

⁸ См. подробнее: Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 758 с.

⁹ Пропп В. Исторические корни Волшебной Сказки. М.: Лабиринт, 1998. С. 146.

космос, она решает самостоятельно «что делать?». Вспомним блоковские строчки, в которых он выразил женскую самодостаточность и мужественность, пронизанные безропотностью и трагедийностью:

*«Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — все больно».*

Как истинная женщина, Яга непредсказуема в своих словах и действиях, проявляя злобность/бунт/жестокость и в то же время доброту/смирение/жалостливость, что заставляет говорить о ее демонизме. Чувства и поступки Бабы-Яги как женщины алогичны: нередко она поступает вопреки тому, что от нее ждут (не съедает гостей, а дает им совет). Баба-Яга хранит традицию и владеет древним знанием, проявляя свою «злобную сострадательность», способность к сочувствию и самопожертвованию через проявление негативных эмоций. Но агрессивность, злобность и жестокость Бабы-Яги театральны-эмоциональны («вот изжарю тебя в печи да съем и на косточках покатаюсь», «Эй вы, слуги мои верные! Рубите незваным гостям буйны головы»): они выполняют воспитательно-назидательные функции, помогая героям сказок в их путешествиях-инициациях. Баба-Яга проявляет по отношению к другим роль воспитателя, организуя прохождение испытаний в условиях рисков и непредсказуемости. Неслучайно Ягу считают вдохновителем великих дел чужой судьбы. Но помогая другим, Баба-Яга, высвечивая интуитивность своей метафизики, являет связь с древними Богинями/Великой матерью. Так, К.П. Эстес, анализируя обучающие функции Бабы-Яги, написала: «благодаря выполнению этих заданий в женскую душу возвращается интуиция — то мудрое существо, которое повсюду ходит вместе с женщиной, смотрит на все, что та видит в жизни, и быстро и точно определяет истинность всего этого. А цель — любовные и доверительные отношения с этим существом, которое мы называем «мудрой женщиной», сущностью архетипа Первозданной Женщины»¹⁰.

Баба-Яга олицетворяет женщину, которая в своей жизни преодолела множество невзгод и трудностей, что отразилось на ее лице. Внешность

Бабы-Яги является довольно отталкивающей: уродливая, костлявая, страшная старуха-волшебница. Вспомним ее сказочные описания: «на печи, на девятом кирпиче лежит Баба-Яга, костяная нога», «ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос», «сопли через порог висят, сама зубы точит», «кости у неё местами выходят наружу из-под тела»¹¹. На внешнюю непривлекательность указывает и этимология слова «Яга» — ужас, опасный, сердиться. Подчеркнем, что понимание красоты является непостоянным, ускользающим и эфемерным, меняющимся (довольно быстро) в зависимости от модных, современных/со-временных тенденций. Более того, «все на свете боится времени»: нередко увядающая красота являет свою оборотную сторону в виде уродства. Необходимо заметить, что сами русские женщины, несмотря на свою внешнюю привлекательность, следуя модным тенденциям или эпатуруя окружающих, намеренно «уродовали» свой облик. Так, Наталья Гончарова, создав моду «на черно-белые и оранжево-синие платья-рубашки», скрывающие достоинства фигуры, введя особый макияж («представительницы богемы стали выезжать в санях с лошадами, домиками и слониками, нарисованными на щеках, лбу или шее»), сама «покрывала свое лицо ультра-маринным тоном, скрывавшим естественные черты ее лица»¹².

Возвращаясь к образу Бабы-Яги, обладающим мощной энергетикой и мистическим ореолом, необходимо заметить, что его демоничность, вмещающая в себе «мадоннские», «содомские» и «дионисийские» черты, вызывает у реципиента одновременное отвращение и очарование (многие герои обращаются к ней ласково «Ягишна», «бабушка»). Ее образ в искусстве оказывается одним из любимых и великолепно воспетых (подчеркнем, мужчинами). Вспомним, образы Яги, ставшие предметом преклонения и даже «иконой стиля», в произведениях А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, А. Толстого, В. Нарбута, живописных работах В. Васнецова, И. Билибина, А. Бенуа, И. Малютина, а также — непревзойденный кинематографический облик в исполнении Г. Миллара. В современном ландшафте культуры имя Яги как специфический стильный символ носят магазины, рестораны,

¹⁰ Эстес К.П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. М.: София, 2004. С. 126.

¹¹ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3-х тт. М.: Наука, 1984. Т. 1. С. 139, 58, 267.

¹² Васильев А. Этюды о моде и стиле. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. С. 17.

фитнес-центры, бренды одежды, всевозможные веб-сайты и пр. Можно смело утверждать, что Баба-Яга была женщиной-музой, вдохновившая на творчество огромное количество мужчин. Согласимся в связи с этим с Н. Бердяевым, резюмировавшим следующие черты женщины, которая «должна быть произведением искусства, примером творчества Божьего, силой вдохновляющей творчество мужественное»¹³. В одном русле с ним размышляет и А. Белый, утверждающий, что у художника обнаруживаются в творческом процессе два вида вдохновения: первое — вдохновение созерцания, женственное по своей природе, второе — вдохновение воплощения созерцаемого, активно-мужественное по своей природе. Судя по вечности образа Бабы-Яги, она вдохновляла и при созерцании, и при художественном описании, тем самым совмещая в себе женское и мужское начала. Объяснить привлекательность образа Бабы-Яги, как нам кажется, можно ее непредсказуемостью, противоречивостью и закрытостью, накладывающими на образ флер женской загадочности, нередко имеющей из-за печального жизненного опыта мрачный оттенок:

*«Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.
Пускай в душевной глубине
Встанут и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуясь ими — и молчи.
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь —
Взрывая, возмутись ключи,
Питайся ими — и молчи...».*

(Ф.И. Тютчев)

Зловещий модус имеют атрибуты Яги — все темное/страшное (лес, запутанные тропы, буйные ветры, дикие звери, нечисть), которое необходимо победить герою, преодолев страх. Семантика темного/страшного соотносится с миром смерти, испытание которой во время инициации проходит герой, «умирая» в одной фазе и «рождаясь» в другой. Здесь срабатывает диалектический закон бытия — «закон единства и борьбы противоположностей», согласно которому только через призму темного/не-

гативного понимается светлое/позитивное, только через призму зла познается добро. Баба-Яга своими негативными эмоциями/поступками показывает пределы дозволенного/нравственного, обучая иницируемых правильным поступкам и действию в жизни, особенно — в пограничной ситуации морального выбора. В связи с этим, Яга как женский архетип/Великая мать является необходимым персонажем становления личности, передавая знания и обучая мудрости жизни.

Каждый из атрибутов Бабы-Яги имеет собственное смысловое значение, дающее информацию о хозяйке и являющееся значимым в обряде инициации. Так, дремучий лес, в котором обитает Яга, олицетворяет хаос, который необходимо гармонизировать. Лес с его запутанными тропками, ведущими в неизвестном направлении, рождает не только чувство страха, но и азартное желание приключения/*при-ключе-ния*, связанное с познанием неизведанного.

Неоднозначные чувства вызывают и деревья в лесу — они пугают и одухотворяют, вызывая *благоговейный ужас*. Дело в том, что в древности деревья считались вместилищем духа, способного оказывать благоприятное/вредоносное воздействие на человека. Поэтому задача каждого, попавшего в дремучий лес Яги, понять и познать окружающий мир, расширить свой кругозор и правильно реагировать на возникающие ситуации, находя решения к ним с помощью советов Бабы-яги, что в итоге трансформирует героя/героиню, способствуя качественному преобразованию и личностному росту.

Лес с его непредсказуемо-потаённым заставляет человека быть бдительным, готовым к различным ситуациям. Его можно считать символом жизненного пути, который необходимо достойно пройти, сумев выстоять в драматических и даже трагических ситуациях. Переноса символизм леса на образ Бабы-Яги, можно утверждать, что он олицетворяет ее судьбу с неожиданными жизненными поворотами и множеством темных, сокрытых глубоко в бессознательном, желаний души и несбывшегося. Подобное можно обнаружить в судьбе каждой (даже великой/знаменитой) русской женщины, на долю которой в любую культурно-историческую эпоху выпадает множество испытаний.

Дом Бабы-Яги — избушка на курьих ножках, окруженная забором из костей с черепами, — стоит на границе тридесатого царства, то есть, по мнению В.Я. Проппа, на границе живого и мертвого

¹³ Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Эрос и личность: Философия пола и любви. М., 1989. С. 21.

миров. Именно это обстоятельство указывает на важную функцию Яги в обряде инициации, подразумевающей символическую смерть одной фазы (детства) и рождение другой, связанной с миром взрослых. Заметим, символ смерти присутствует и в самом облике Бабы-Яги, у которой одна нога костяная. Птичьи ноги жилища, связанные с пережитками тотемизма, указывают на подвижность дома и его пластичность («стоит избушка на курьих лапках, кругом повертывается»), благодаря которым он поворачивается в сторону пришедшего. Ввиду этого, архетип Яги дополняется новыми характеристиками, связанными с круговыми вращениями, олицетворяющими бесконечность, и ногами — символом пути, движения, что в целом может символизировать бесконечность развития. Действительно, на каждом этапе своей жизни женщина учится новому (быть хозяйкой/женой/матерью/бабушкой), проявляя смекалку и мудрость. Помимо этого, избушка на курьих ножках олицетворяет непостоянство женской души, способной повернуться в любую сторону, и ее пластичность, благодаря которой женщина может подстроиться под любого человека, смиренно/театрально исполняя приказы сильнейшего. Не стоит забывать, что избушка — это дом, выступающий символом безопасного пространства и защиты. Для человека дом как освоенное место обитания отождествляется с семьей и ее традициями, сокровищницей родовой мудрости, постоянством, а также сакральным пространством — своеобразным храмом, семейным гнездом, где можно укрыться, подумать/поведать о сокровенном, оказать гостеприимство. Но дом Ягини, стоящий на курьих ножках в мрачном месте, где кроме нее никто не обитает, символизирует неустойчивость/нестабильность и зыбкость существования на грани жизни и смерти, предупреждая о бренности бытия.

Помимо связи с миром мертвых, у Бабы-Яги обнаруживаются символы, говорящие о ее причастности к миру небесному — вспомним, ступу и помело. «Баба-Яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает»¹⁴. Изначально ступа и помело имели хозяйственное назначение, связанное с женскими работами: в одной перемалывали зерно в муку, посредством другой — создавали чистоту. Каждый из этих атрибутов связан с трудом, в результате чего достигаются транс-

формации — превращение несъедобного в съедобное, грязного в чистое. Сказочный полет в ступе с помощью помела выступает в качестве метафоры духовной работы как возможности подняться над рутинной повседневностью, сохраняя в мечтах чистоту своих помыслов. Здесь необходимо вспомнить образ Родины у русских, олицетворяющий *высокую концентрацию духовности*, поиск высшего смысла жизни и абсолютного совершенства, сопровождающегося прорывами в сферу Истины, Добра и Красоты. Возможно, именно подобные духовные порывы и пытается осуществить Баба-Яга, маскируя и скрывая от всех свои искания ужасными/эпатажными выходками (свистом и покрикиванием).

В целом можно утверждать, что архетип Бабы-Яги объемлет собой триадность мироздания, связанную с делением мира на три части — Небо, Землю и подземный мир, что подчеркивает ее изначальную функцию Великой матери, женщины как прародительницы всего сущего и хозяйки мироздания. Это триединство в архетипе Яги проявляется и в других сочетаниях — духовное, душевное и телесное; интеллектуальное, моральное и эстетическое; чувства, мысли и поступки и др. Сама Баба-Яга и ее дом олицетворяют космос, что напрямую говорит о единстве мироздания. Здесь голова с носом, вросшим в потолок, и крыша олицетворяют небесную сферу, тело и сруб дома с печью — Землю, а ноги и подпол — подземный мир. Вросший в потолок нос символизирует мудрость и интуицию, а помещенные в ступу ноги — сексуальный аспект жизни и целенаправленное движение к цели.

Многозначность архетипа Бабы-Яги отсылает к рассуждениям В.В. Розанова. По поводу женской души он писал: «в психике женской есть то качество, что она не жестка, не тверда, не очерчена резко и ясно, а, напротив, ширится как туман, захватывает собою неопределенно далекое; и, собственно — не знаешь, где ее границы»¹⁵.

В связи с вышесказанным, подчеркнем: образ Бабы-Яги можно считать архетипом, содержащим в себе повторяющуюся схему бытия русской женщины со множеством испытаний, выпадающих на ее долю. Несмотря на свою второстепенность, Яга является ключевым/ключевым персонажем сказок. Безусловно, Баба-Яга — плод творческого во-

¹⁴ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3-х тт. М.: Наука, 1984. Т. 1. С. 126.

¹⁵ Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. М.: Эксмо, 1998. С. 213.

ображения, тем не менее, ее черты заимствованы у реальных женских прототипов. В силу этого, Яга как собирательный персонаж есть калька женского начала, обобщенно передающая часто повторяющиеся черты (мудрость, интуитивность, театральность, покладистость, своенравность и др.). Ее в полной мере можно назвать *героиней*, привлекающей к себе внимание на протяжении тысячелетий. Прожив не простою (потаенную от всех) жизнь и став музой творческих людей, она выступает направляющим ориентиром, совершая значимые поступки для становления личности испытуемого в обрядах иници-

ации. Реконструировав многогранность и неоднозначность образа Бабы-Яги, можно утверждать, что она являет собой силу русской женщины, связанную с жизненным опытом, практицизмом, интуициями, творчеством и смекалкой, одиночеством в решении проблем, смелостью и отвагой. Поэтому не стоит обижаться на метафору, брошенную в адрес женщины и связанную с образом Бабы-Яги. Этим стоит гордиться: архетип Бабы-Яги как Великой матери олицетворяет высшую мудрость, благодаря которой женщине открываются законы мироздания и тайны метафизики человека.

Список литературы:

1. Бакунин П.А. Запоздалый голос сороковых годов (По поводу женского вопроса). СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1881. 471 с.
2. Безгин В.Б. Русская деревня конца XIX — начала XX века: грани крестьянской девиантности (Часть 1) // NB: Исторические исследования. 2012. № 1. С. 120–167. (DOI: 10.7256/2306-420X.2012.1.266. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_266.htm).
3. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Эрос и личность: Философия пола и любви. М., 1989. С. 17–51.
4. Берсенева Т.П. Феномен синергии в древнерусской культуре // Философия и культура. 2013. № 9. С. 1217–1223. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.9.928).
5. Васильев А. Этюды о моде и стиле. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 592 с.
6. Гуревич П.С. Невыученные уроки Юнга // Психология и психотехника. 2011. № 7 (34). С. 4–5.
7. Канаш Т.В. Отношение к бедности и богатству в польской, белорусской и русской культурах // NB: Культуры и искусства. 2012. № 2. С. 63–105. (DOI: 10.7256/2306-1618.2012.2.186. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_186.html).
8. Карпенко А.Л. Полоролевая идентификация современной женщины // Психология и психотехника. 2012. № 9. С. 97–103.
9. Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 758 с.
10. Мухина З.З. Правовое положение вдовы в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX — начало XX в.). // Политика и общество. 2013. № 3. С. 322–329. (DOI: 10.7256/1812-8696.2013.03.8).
11. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3-х тт. М.: Наука, 1984. Т. 1. 507 с.
12. Пашазаде А.А. О статусе женщин в восточной и западной цивилизациях // Философия и культура. 2012. № 1. С. 66–70.
13. Погонцева Д.В. Представления о телесной красоте в современной культуре // NB: Психология и психотехника. 2013. № 8. С. 71–79. (DOI: 10.7256/2306-0425.2013.8.10582. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_10582.html).
14. Пропп В. Исторические корни Волшебной Сказки. М.: Лабиринт, 1998. 511 с.
15. Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. М.: Эксмо, 1998. 304 с.
16. Сиземская И.Н. «Сущее не делится на разум без остатка»: Отечественная философская мысль о понятийно-художественном способе постижении бытия // Философия и культура. 2014. № 2. С. 162–172. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.1042).
17. Угрешич Д. Снесла Баба Яга яичко. М.: Эксмо, 2011. 448 с.
18. Федотов Г.П. На поле Куликовом // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М.: Дарь, 2005. С. 101–122.
19. Флоренский П.А. Имена // Тайна имени. Харьков, 1995. Т. 1. С. 8–135.

20. Шеркова Т.А. Дух жизни древнеегипетского бога Тота: юнгианский аспект // NB: Психология и психотехника. 2013. № 9. С. 18–50. (DOI: 10.7256/2306-0425.2013.9.86. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_86.html).
21. Эстес К.П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. М.: София, 2004. 448 с.
22. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М.: Академический проект, 2009. 303 с.

References (transliteration):

1. Bakunin P.A. Zapozdalyi golos sorokovykh godov. (Po povodu zhenskogo voprosa). SPb.: Tip. V. Bezobrazova i Komp., 1881. 471 s.
2. Bezgin V.B. Russkaya derevnyaya kontsa XIX — nachala XX veka: grani krest'yanskoi deviantnosti (Chast' 1) // NB: Istoricheskie issledovaniya. 2012. № 1. S. 120–167. (DOI: 10.7256/2306-420X.2012.1.266. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_266.htm).
3. Berdyaev N.A. Metafizika pola i lyubvi // Eros i lichnost': Filosofiya pola i lyubvi. M., 1989. S. 17–51.
4. Berseneva T.P. Fenomen sinergii v drevnerusskoi kul'ture // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 9. S. 1217–1223. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.9.928).
5. Vasil'ev A. Etyudy o mode i stile. M.: Al'pina non-fikshn, 2014. 592 s.
6. Gurevich P.S. Nevyuchenny uroki Yunga // Psikhologiya i psikhotehnika. 2011. № 7 (34). S. 4–5.
7. Kanash T.V. Otnoshenie k bednosti i bogatstvu v pol'skoi, belorusskoi i russkoi kul'turakh // NB: Kul'tury i iskusstva. 2012. № 2. S. 63–105. (DOI: 10.7256/2306-1618.2012.2.186. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_186.html).
8. Karpenko A.L. Polorolevaya identifikatsiya sovremennoi zhenshchiny // Psikhologiya i psikhotehnika. 2012. № 9. S. 97–103.
9. Lotman Yu. Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka). SPb.: Iskusstvo, 1994. 758 s.
10. Mukhina Z.Z. Pravovoe polozhenie vdovy v russkoi krest'yanskoi srede: traditsii i novatsii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.). // Politika i obshchestvo. 2013. № 3. S. 322–329. (DOI: 10.7256/1812-8696.2013.03.8).
11. Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: V 3-kh tt. M.: Nauka, 1984. T. 1. 507 s.
12. Pashazade A.A. O statuse zhenshchin v vostochnoi i zapadnoi tsivilizatsiyakh // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 1. S. 66–70.
13. Pogontseva D.V. Predstavleniya o telesnoi krasote v sovremennoi kul'ture // NB: Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 8. S. 71–79. (DOI: 10.7256/2306-0425.2013.8.10582. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_10582.html).
14. Propp V. Istoricheskie korni Volshebnoi Skazki. M.: Labirint, 1998. 511 s.
15. Rozanov V. V. Lyudi lunnogo sveta: Metafizika khristianstva. M.: Eksmo, 1998. 304 s.
16. Sizemskaya I.N. «Sushchee ne delitsya na razum bez ostatka»: Otechestvennaya filosofskaya mysl' o ponyatiino-khudozhestvennom sposobe postizhenii bytiya // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 2. S. 162–172. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.1042).
17. Ugreshich D. Snesla Baba Yaga yaichko. M.: Eksmo, 2011. 448 s.
18. Fedotov G.P. Na pole Kulikovom // Fedotov G.P. Sud'ba i grekhi Rossii. M.: Dar', 2005. S. 101–122.
19. Florenskii P.A. Imena // Taina imeni. Khar'kov, 1995. T. 1. S. 8–135.
20. Sherkova T.A. Dukh zhizni drevneeegipetskogo boga Tota: yungianskii aspekt // NB: Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 9. S. 18–50. (DOI: 10.7256/2306-0425.2013.9.86. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_86.html).
21. Estes K.P. Begushchaya s volkami. Zhenskii arkhetyip v mifakh i skazaniyakh. M.: Sofiya, 2004. 448 s.
22. Yung K.G. Struktura psikhiki i arkhetyipy. Izdatel'stvo: Akademicheskii proekt, 2009. 303 s.